

Владимир Малягин

**После волка
пустынного**

*Что же вы будете делать после
всего этого?*

Иеремия, 5; 31

Действующие лица

- Василий – 43 лет
- Федор – 22 лет
- Лиза – 18 лет
- Миня – 30 лет
- Кузьма – 50 лет
- Глеб Николаевич – 60 лет
- Антошка – подросток
- Лесные люди
- Военные

Место действия – небольшая деревенька в двух сотнях верст от Москвы...

Действие первое

Просторный деревенский двор. Справа – бревенчатый дом в три окна, веранда с крыльцом. Слева – высокая раскидистая ива и скамья под ней. На заднем плане – частокол, за которым видны деревья сада. Обычный двор и обычный дом. Впрочем, вы окна дома и веранды нет ни одного стекла, а на крыше – нет кровли, и лишь кое-где видны остатки

шифера.

Из тумана или дымки начинает проблескивать солнце. Сначала -- робко, потом -- все уверенней и постоянней. В чердачном окне появляется лохматая голова. Это Миня.

Миня. Солнушко... Солнушко...
Хозяин... солнушко доброе...

На крыльцо выходит Василий.

Василий. Солнце?.. Да неужели?..
Батюшки... Федя!.. Федя, да скорей же!..

В окне появляется Федор.

Федор. Что?

Василий. Ты видишь? Видишь?..

Федор. Господи... Неужели
солнце?..

(Скрывается и через несколько
секунд появляется на крыльце.)
Настоящее солнце, а, Василий?

Василий. Смотри: а небо-то голубое,
оказывается!

Миня. Хозяин, солнушко доброе...

Федор. Сколько же лет его не было?
Года четыре?

Василий. Четыре с половиной.

Федор. Как греет... Хорошо с ним...
Слушай, но почему мы на него
смотрим? Глазам совсем не больно!
Раньше мы так не могли, верно?

Василий. Почему смотрим? Не
знаю... Может, оно не такое яркое,
как раньше?

Федор. Да вон же как сияет,
посмотри!.. Нет, тут что-то другое...

Миня. Хозяин... Глазки новые...
Крепкие глазки...

Василий и Федор переглядываются.

Василий. Устами младенца...

Федор. Думаешь, и зрение могло
измениться?

Василий. Отчего бы и нет? Стали же некоторые слышать, как летит бабочка!..

Федор. Странно это...

Василий. После всего, что было? Нет, мне теперь уже ничего не странно. Только бы солнце подольше не заходило...

Федор. Слушай, а как печет!.. Я уже и терпеть не могу...

Василий. Да, горячо... Отвыкли, должно быть... А Лиза где? В огороде?

Федор. Кажется, за грибами пошла с утра.

Василий. Я хотел с тобой поговорить...

Федор. О ней? Не стоит.

Василий. Федя, ну зачем сердиться? Она, как-никак, тебя любит...

Федор. Василий, мне странно это от тебя слышать!.. Ведь ты и верующий, и ученый, и вообще – серьезный человек!.. Неужели ты не знаешь, какой я себе путь выбрал?

Василий. Ну, положим, пока ты – не монах и даже не послушник еще... Да и благословит ли тебя священник твой? И так народа на земле почти не осталось...

Федор (после паузы). Ну вот, уже горячо стало... (Поворачивается и уходит в дом.)

Миня скрывается в чердачном окне.

Василий. Обиделся Федя...

Миня выходит на крыльцо. Он босиком, в коротких широких штанах, грубой рубахе. Зажмуривается от солнца.

Миня. Солнушко доброе – злое?

Василий. Да, припекает.

Миня проходит к дереву, садится на скамью.

Миня. Писатель, иди ко мне! Здесь уж как холодно!..

Василий. Я еще погреюсь...

Миня. Писатель, не тронь Федьку...
Федька дурачок... на Лизке я
жениться должен!..

Василий. Ты? (Хочет что-то сказать,
но сдерживается.) Ну да, ну да...

Миня. Ты мне не веришь, Вася, а я
вумный как утка, понял? А Федька –
дурачок, у него своя дорога...

Василий. Да разве я с тобой спорю?
Кажется, я и сам дурачок, как
Федор...

Миня. Ты вумный, вумный... Ты
очень большой... Ты из нас больше
всех... Только у тебя глазки болят,
да?.. А глазки – это плохое дело..

Василий. Ладно, Миня... Посиди,
погрейся... (Поворачивается и
уходит в дом.)

Миня (поет). А я маленькая пташка
у хозяина живу... Я утенок
сизокрылый Вдоль по небушку
плыву... (На секунду замолкает,
задумавшись, но вот снова
встрепенулся.) Чтой-то Мине так
тревожно – Кто-то страшненький
идет... Видно больше жить не
можно – Кто-то Минечку убьет...
(Прислушивается, встает, подходит
к изгороди в сад.) Стой, кто идет?
Стой, стрелять буду!..

Женский голос. Миня, не пугай!..

Миня. А, Лизка... Наконец-то...

Лиза (выходя из глубины сада с
корзиной в руках). Миня, солнце
вышло!.. Радость-то какая, правда?

Миня. Солнце вышло – и ты
выйдешь, Лизка... Недолго ждать
осталось...

Лиза. Ты о чем? Фу, глупость какая!.. Да и за кого мне выходить, скажи?

Миня. А за меня. (Грозит пальцем.) Только гляди мне!..

Лиза. Ладно, погляжу... А ты мне лучше помоги грибы разобрать.

Он берет корзину из ее рук, несет к скамье. Лиза идет за ним. Оба садятся на скамью, Миня ставит корзину посередине.

Миня. А чего их разбирать-то, Лизка?.. Червивых теперь никогда не бывает. Поганки и мухоморы мы тоже с удовольствием едим...

Лиза. Да ведь распределить надо!..

Что-то я сварю к воскресенью, что-то на зиму засушу, а что-то и засолить могу... Вы ведь любите соленое...

Миня. Мы-то, может, и любим, да соль-то где возьмешь?

Лиза. Глеб Николаевич обещал дать соли. У него еще с тех, с прежних лет осталось...

Миня. Может, прежняя-то соль силу потеряла... Тогда ее туда, на помойку, на поправление людям...

Лиза. Ты о чем?

Мин (встает). Ладно. Разбирай свои грибы.

Лиза. А ты что ж?

Миня. А ничего ж... В небушке ясно, а в душеньке мутно, вот что

я... Пойду хозяину пожалуюсь.

Лиза. На кого?

Миня. Да на себя, Лизка, на кого же еще!.. (Идет к дому, но, дойдя до крыльца, снова оборачивается к ней.) Ты в лесу никого не встретила?

Лиза (всплескивает руками). Ой, да как же!.. Это солнышко у меня всю память отшибло!.. Я же мимо землянок шла. Лесные люди сегодня к нас собираются.

Миня. К нам? Зачем?

Лиза. Так ведь перепись уже началась!..

Миня. Перепись?..

Лиза. Ну да!.. Сегодня к нам переписчики должны прийти. А

лесным тоже велено на нашем дворе собраться...

Миня. Значит, все-таки началась охота...

Лиза. Какая охота, Миня?

Миня (делая вид, что целится в нее). А вот такая: пах!.. пах!..

Из дому выходит Федор с ведром в руках.

Федор. Ты с кем воюешь, Миня?

Миня. А с бесами, Федя. От монаха бесов отгоняю. (Снова целится в Лизу.) Пах, пах!..

Федор. А кто же монах?

Лиза. А ты же и монах. А если не станешь монахом – худо тебе будет...

Федор. Фантазер ты...

Миня. Я фантазер, а она вон – гипнотизер!.. Лизка, гляди – Феденьку моего не трожь!.. (Уходит в дом.)

Лиза. Федор, куда ты с чистым ведром?

Федор. За водой.

Лиза. На пруд?.. Но ведь договорились уже: для питья из пруда воду не брать!

Федор. А откуда? На родник ходить за километр?

Лиза. Почему бы и нет? Ведь знаешь, какая вода в пруду!

Федор. Что ты так боишься этой тины? Все равно никто ничем заболеть не может!

Лиза. Дело не в болезнях! Просто – пить невкусно!..

Федор. Невкусно? Ты еще помнишь это слово.. Странный ты человек, Елизавета...

Лиза. Разве я человек!..

Федор. А кто ты?

Лиза. Ты же видел: Миня в меня как в беса стрелял

Федор (помрачнев). Ты этим не шути. Этим никогда нельзя шутить, поняла?

Лиза. А что можно? Что мне вообще можно?

Федор (после паузы). Ладно, пойду...

Лиза. На пруд?

Федор не отвечая, идет к выходу из двора.

А ты же еще не знаешь: перепись уже идет!..

Федор (резко останавливаясь). Что? Врешь!..

Лиза. Очень остроумно!..

Федор. Ладно, не сердись. Но ты откуда узнала?

Лиза. Сегодня лесные люди сюда придут.

Федор. Вот оно что... Началось, значит...

Лиза. Что началось, Федя?

Федор. Охота началась.

Лиза. И Миня это же слово сказал!.. Но объясни, что за охота?

Федор. Нет, Лиза... Сейчас не могу... Разве потом как-нибудь... (Направляется к выходу.)

Лиза (вслед). Потому что я для вас не человек!.. Я готовлю, стираю, -- но я же никто, никто!.. Скоро год мы все вместе живем -- а кто мне хоть одно доброе слово сказал?..

В чердачном окне появляется Миня, наблюдает.

Федор. Я тебя не понимаю, Лиза...
Разве тебя звал кто-нибудь. Ты сама
к нам пришла, сама осталась... А
стирать и готовить – это каждый и
сам умеет. Не так разве?

Миня. Так, Федя, такочки!.. Сама
пришла, сама ушла, никого не
поняла...

Федор. А, Миня, вот поговори с ней!
(Уходит.)

Лиза. Спасибо, Феденька!..

Миня. Кушай на здоровье,
Лизавета.

Лиза. Ты-то хоть помолчи, умник!

Миня. Почему это?

Лиза. Спрашиваешь еще!.. Потому

что без тебя тошно_

Миня. Вот это ты права... Без меня тошно, а со мной хорошо.

Молчание.

Ты что молчишь? Ты давай говори со мной!

Лиза устало машет рукой.

Давай-давай, Лизка... Расскажи о своей нелегкой женской доле. Где родилась да чем занялась... Тебе лет сколько, двадцать?

Лиза (подумав). Мне?..
Восемнадцать, наверное.

Миня (довольно). Ишь ты, всего восемнадцать – а такая коровища!

Лиза (смеется). Спасибо за комплимент!.. Нет, ребята, чувствую: пора мне от вас утекать, пора...

Миня. Погоди маленько. Куда сейчас пойдешь?

Лиза. В Москву вернусь, Там у нас когда-то квартира была. Как мы жили на Сретенке с мамой вдвоем!..

Миня. Во дурища!.. Да кто же сейчас в Москву-то возвращается? По улицам трупы бродят...

Лиза. Перепугал ты, Миня!.. Трупы не бродят, они по улицам лежат и гниют. А бродят живые люди.

Миня. Не знаю, не знаю... Таи и живые гниют, однако... Мне

Глебушка говорил, запашок еще за двадцать верст от города начинается...

Лиза. Что же ты хочешь? Сначала – великая гражданская, потом – оккупация, потом – болезни эти непонятные...

Миня. А еще сначала – «кукушечки»...

Лиза. Да, еще же «кукушечки» эти были с рюкзачками... Боже мой, сколько всего уже было за эти семь лет!.. А сколько, наверное, будет еще...

Миня. Кончилось старое. Новое начинается.

Лиза. А что начинается, Миня?

Миня. А солнушко, видишь?

Лиза. Еще бы, конечно!.. Солнышко
– радость...

Миня. А солнушко-то другое, не то
что раньше было. То, старое,
погасло уже.

Лиза. Разве такое может быть?

Миня. У нас все может, Лизка... А
ты еще мне скажи, почему вдвоем с
матерью жили? Папка где?

Лиза. Умер папа. Я совсем
маленькая была.

Миня. Это хорошо.

Лиза. Что хорошо?

Миня. Хорошо, что умер. Если б
бросил – плохо было бы...

Лиза. Да какая разница? Что умер,
что бросил – человека нет!

Миня. Большая разница. Умер – Бог взял, греха нет; бросил – всех опозорил... А мать где теперь?

Лиза. Маму на острова послали три года назад.

Миня. Заболела, сердечная?

Лиза. Заболела.

Миня. Три года, значит? Ну, эти больные больше года никогда не жили... Это значит, тогда тебе пятнадцать было... Ну и как ты дальше карабкалась?

Лиза. Из квартиры меня выгнали, хотели в колонию, да я убежала. Я тогда услышала, что в лесах, за Подольском где-то, женское государство, вроде как когда-то у амазонок... Пошла туда. Поначалу мне там понравилось: все сильные, решительные, мужественные... И

армия настоящая, там у них даже танки и пушки для обороны... А потом узнала, что начальницы наши потихоньку за изгородь ходят и у каждой в соседних лесах свой роман крутится...

Миня. И ушла?

Лиза. Ушла.

Миня. И зря. До них тебе разве было дело? Ты себя блюди - и будет с тебя! За то они вас от целого мира обороняли, начальницы ваши. Не так разве?

Лиза. Наверное, так.

Миня. А потом куда пошла?

Лиза. Так, куда глаза глядят... Москву обошла - и без дорог, напрямки. Если реки встречались - вплавь пересекала...

Миня. Эко ж ты, от Подольска-то совсем напротив ушла... А здесь все время у лесных жила?

Лиза. Нет. Сначала меня Глеб Николаевич подобрал – я возле их Жигалова с голоду умирала...

Миня. Ну да!.. Как это можно с голоду умереть?

Лиза. Правда. Я тогда месяца три не ела.

Миня. А что, зима была? Ни жучков, ни червячков?

Лиза. Весна была, хотя снег еще не сошел.

Миня. На худой конец и снегом пропитаться могла!

Лиза. Я просто не хотела... Устала сильно, все надоело, вся жизнь...

Миня. А Глеб Николаич что?

Лиза. Ничего. Откормил меня, поправил, а потом я в лес ушла.

Миня. Он что, обижал?

Лиза. Нет, он меня любил.

Миня. Как это – любил?

Лиза. Как дочь... Он ведь пожилой уже, а дочь Лена еще тогда погибла, в самом начале. Поехала в Москву, спустилась в метро, а тут «кукушечка»... Тогда сразу три станции в щепки разметало...

Миня. Да, первые разы самые сильные были по всем странам... Ну а у лесных ведь ты недолго жила?

Лиза. Месяца три.

Миня. Ну и как?

Лиза. Что «как»?

Миня. Никто не обижал?

Лиза. Да что ты все «обижал», «не обижал»!.. Тебе-то какое дело?

Миня. Есть дело, Лизка. Мне до всего дело, а уж до тебя особенно.

Лиза. Это почему особенно до меня?

Миня. Много будешь знать – состаришься скоро. Только одно запомни: если перепись придет – тебя не должны записать.

Лиза. Как это так? Ведь спрашивать будут, а по закону могут и пытаться!

Миня. А ты немой притворись. С немого человека – какой спрос? Но имя твое они знать не должны!

Лиза. Ох, Миня, ну что ты выдумываешь? Будто приключенческий роман!..

Миня. Молчи, если не понимаешь. Твое дело – слушать меня.

Лиза. Да кто ты такой, чтобы мне тебя слушать?

Миня. А вот погоди!.. (Скрывается, скоро появляется на крыльце. Спускается, подходит близко к Лизе.) Я твой жених, Лизавета. Поняла? Я – твой – жених. Ты мне, может, и вовсе не нужна, но хозяин так велит, Лизка. Хозяина слушаться надо. А Федька – монах, запомни. Иначе – ему погибать, тебе погибать, всем погибать. Ты ведь погибать не хочешь?

Лиза. Слушай, как же ты мне надоел, Миня... (Собирает грибы, уходит в дом.)

Миня (садится на землю, задумчиво
ковыряет в носу, поет).

А я маленькая пташка,

Как хвостатый перепел.

Я устал уже немножко

И все песни перепел...

Но никто меня не слышит

И никто не узнает.

Это значит, в нашей жизни

Скоро будет...

На крыльцо выходит Василий.

Василий. Послушай , Миня...

Миня. Послушай, Вася...

Василий. Может, поговорим?

Миня. Может, поговорим...

Василий подходит к скамейке, садится.

Василий. Миня, ты вообще-то откуда взялся?

Миня. Я, Вася? А оттуда же, откуда и ты.

Василий. То есть?

Миня. То есть из мамки.

Василий. А, ну да... А пришел сюда откуда?

Миня. А пришел сюда оттуда...
(Показывает неопределенное направление рукой.)

Пауза.

Василий. Я вижу, серьезно говорить

со мной ты не хочешь...

Миня. Ладно тебе, Вася... Какой я тебе собеседник? Ты – ученый человек, всю историю нашу превзошел, да еще, говорят, сильно княжеского роду... А я и глупый, и не знаю ничего, да еще без роду – без племени...

Василий. Это кто же тебе сказал про мой княжеский род?

Миня. Это птички с неба.

Василий. Интересно мне, где эти птички служат?

Миня. Не бойсь, Вася. Про твое княжество я никому не скажу. Ты сам только не проговорись на переписи...

Василий. А ведь я про перепись с тобой и хотел переговорить...

Миня. А ведь я и понял. Ну, говори.

Василий. Нас здесь трое. Вместе мы почти четыре года живем. Друг друга узнали и чужих, вроде, нет... А тут, стало быть, перепись как снег на голову, правильно?..

Миня. Правильно, правильно, совершенно верно. Только не трое нас. Четверо. Лизка тоже человек.

Василий. Кто же с этим спорит? По-моему, только ты этого не признаешь! А ведь ей двадцать лет, сама свою жизнь определит, как сердце подскажет...

Миня. Двадцать? Восемнадцать ей, Вася. И дура душой, хотя телка здоровая. А про сердце нам зачем с тобой вякать? Ведь мы же мужики, как-никак, должны знать: сердце ровно бутылка, что в нее налить, то в ней и будет плескаться.

Василий. А ведь она Федора любит и ночами плачет даже...

Миня. Блажь это все. За кого выйдет, того и полюбит... А Федю оставьте вы в покое, Вася. За Федю ответить придется в случае чего...

Василий. Как это «ответить»?

Миня. А так... Монах он, монахом рожден, монахом умереть должен. А ежели ты его с пути собьешь – ты и ответишь. Хозяин за каждого совращенного монаха душу будет вынимать и на крючок вешать, понял?

Василий (помолчав). Ну хорошо, как же Елизавете жить?

Миня. Да тебе-то какое до нее дело?

Василий. Ладно, мне дела нет. А

кому есть дело, тебе?

Миня. А мне.

Василий. И ты вправду собрался на ней жениться?

Миня. А чего ж? Добрая коровища вымахала! Как пойдет детишек метать – а мне оно и любо! Да и всем хорошо, когда народу много... Помнишь, сколько раньше в Москве-то людей было? По улицам пройти нельзя!.. Это уж потом все вон побежали, когда бесы в открытую стали расхаживать да встречных копытами топтать...

Василий. А ты в Москве жил?

Миня. Э, да где я только не жил, Вася... Не про то речь, ведь ты про перепись мне хотел сказать?

Василий. Надо бы и Федора позвать.

Где он?

Миня. На пруд за водой пошел.

Василий. Для питья? Опять Лиза будет сердиться...

Миня. Хватит уж нам про Лизку-то!.. Да вон и Федя идет!

Входит Федор с полным ведром.

Василий. Из пруда пить будем, Федя?

Федор. Из пруда.

Василий. Инфузории-то плавают?

Федор. В нашем пруду инфузорий нет, туфельки только.

Миня. И то хорошо!..

Василий. Федя, воду отнесешь – выйди к нам.

Федор. Я хотел Псалтырь по
усопшим почитать...

Миня. С поминаниями?

Федор. Да, по спискам.

Миня. Это на целый день!..

Василий. У нас недолгий разговор,
Федя.

Федор. Сейчас. (Уносит воду в дом.)

Василий. Миня!

Миня. Аиньки?

Василий. Так что же за птички тебе
про меня нащебетали?

Миня. Да брось ты, Вася! Не думай
ни о чем. Я вот никогда не думаю.

Василий. А по-моему, думаешь.

Миня. Не, Вася... Дураки не думают, дураки понимают. А это совсем другое дело. Вот вам, умным, да – вам думать надо сильно...

Из дому выходит Федор.

Федор. Ну, отцы, что случилось-то?

Василий. Сегодня могут прийти переписчики.

Федор. Да, слышал.

Василий. Что делать будем?

Федор. А что мы можем сделать? Убежать нельзя — землю насквозь просветят, а найдут. А найдут, так уж не пощадят.

Миня. Чего им нас щадить? Они не дураки, не то что я!

Василий. Все мы тут дураки... Жили так, что даже имен своих настоящих не скрывали... Кто же знал, что они после всего еще и перепись затеют?

Миня. А бесы-то на что? Бесы им это дело и подсказали...

Федор. Ну ладно, имена наши они знают, а еще-то что? Машина главная у них сгорела, данные погибли...

Василий. Машина сгорела, а картотеки остались. А в картотеках все — и приметы, и биографии...

Миня. Слушайте, а если нам такой фокус придумать: не в леса сбежать, а в Москву? Там сейчас уж как затеряться легко! По улицам трупы бродят, люди безумные лежат на дорогах — красотища! Там и перепись им никак не сделать:

мертвый — он же не скажет, как его зовут!

Федор. А как в Москву попасть? Через кольцо без проверки не пропустят, а проверка — считай, та же самая перепись... Василий, а ты надумал что-нибудь?

Василий. Если согласны — можем пушку нашу отрыть да встретить дорогих гостей...

Пауза.

Миня. Страх...

Федор. Если мы переписчиков тронем — не только нас, всю округу сотрут...

Миня. Жалко людишек-то...

Василий. Тогда что ж... Тогда смириться надо со всем. Сидеть и ждать, пока они всех не вырежут. Только уж нас в таком случае не обойдут...

Федор. Молиться надо, братцы! Что мы еще можем?

Василий. Обидно, если и вправду ничего...

Пауза.

Миня. Ну вот: умники ничего не придумали, а Миня погибай? Дураки все — и все!.. Один буду спасаться — полезу в печку да отсижусь!..

Федор. Минь, а чего ты-то боишься?
За какие такие дела тебя будут
ловить?

Миня. А за такие... Сказать?

Федор. Скажи, а чего уж там...

Миня. Ну слушайте... Человек я
нехороший, очень даже страшный.
За мной одно есть такое дело, что
вам никому и не поверится. А было
все, значит, таким следующим
порядком...

Открывается дверь дома, Лиза
выходит на крыльцо.

Лиза. Федя, я же просила позвать
всех к столу! Для кого я готовлю?..

Василий. Погоди, Лиза! Сейчас нам Миня тайну откроет...

Миня. Нет, все! Перебили меня — не стану рассказывать!

Федор. Эх, Лиза, не вовремя ты...

Лиза. Конечно, я всегда не вовремя...

Василий. А что у нас на обед?

Лиза. Грибы! Где же я другого возьму?

Федор. Грибы? Уволь, не могу больше!. Если бы хоть с солью...

Лиза. Соль Глеб Николаич обещал принести...

Миня. Обещанного три года ждут...

Лиза. Я все же не пойму, вы идете или нет?

Василий. Я пойду.

Федор. Я не хочу, спасибо.

Лиза. не за что, Феденька!

Федор. Не обижайся, я правда не могу!..

Лиза. А ты, Миня?

Миня. Вот и Миня пригодился...
Пойду, Лизавета, ради тебя. Я
всякий труд уважаю, и даже
женский. И даже твой, Лизка...

Невдалеке слышен свист, похожий
на птичий.

Лиза. Ну вот, дождались, лесные
пришли!..

Василий. Да, теперь обед перенести придется...

Лиза. Конечно, так я и знала!
(Уходит в дом, хлопнув дверью.)

Во двор входят Лесные люди. Их пятеро: двое мужчин с корзиной, две женщины и подросток с котомочкой за плечами. Одеты они живописно: шкуры, лохмотья, палки в руках. Возможно, в их одеждах есть что-то нарочитое.

Все, кроме подростка, кланяются в пояс хозяевам двора. Василий и Федор кланяются в ответ. Миня сидит, что-то тихо мурлыча под нос. Старший из лесных приветственно поднимает руку.

Старший. Мир вам, честные
поселяне, благословение от нашего

лесного невежества!

Василий. Мир и вам, лесные подвижники, привет и от нашей суеты.

Миня. Та-та-та... Ты-ты-ты...

Старший. Уж мы и не чаяли с вами свидеться, но судьба так распорядилась, что мы у вас...

Василий. Взаимно рады, взаимно рады...

Миня. Взаимы наряды, взаимны наряды...

Старший. Кажется, Миня вам нынче не в духе?

Василий. Вы же знаете, Миня у нас сам по себе...

Старший. Блаженненький

человечек... Высоко, должно быть, ходит, не то что мы, бедные... Но радость-то у вас какая!.. Солнце-то над вашим домом!..

Василий. Да разве только над нашим?

Старший. Почитай, только!.. Мы так всю дорогу на солнышко ил шли — вот и вышли на ваш двор... В наших-то лесах темнота одна...

Василий. Кстати, что ваши леса? Богаты ли дичью, ягодами да орехами?

Старший. Как сказать... Излишков нет, но и голодом не сидим... Вот принесли вам угощенье от нашей нищеты...

(Берет корзину, ставит ее перед

Василием.)

Миня. О, Федька, грибы!.. Любимая твоя еда!

Старший. Правда? Так мы еще принесем!

Младший. Да хоть мешок!..

Старший. Нынче грибками не бедно...

Федор. Миня шутит. Сильно шутит. А вы на перепись пришли?

Старший. Мы пришли вас повидать. А уж заодно и впишемся, куда скажут. Ведь что положено — сделать надо...

Миня. Слушай, Ваня...

Старший. Я не Ваня!

Миня. Слушай, Петя!

Старший. Да не Петя я, а Кузьма!

Миня (задумавшись на секунду).

— Слушай, Ваня...

— Я не Ваня!

— Слушай, Петя...

— Я Кузьма!

Я приехал из Германьи
Пожевать твою назьма...

Кузьма. Ловко! Только я ни в какой
Германии отродясь не бывал...

Федя. Это он так, сочиняет...

Кузьма. Сочинитель, значит...
Бывают такие, все сочиняют...

Миня. Кузя, ты на одного человека похож... Давно-давно, до войны и до всего...

Кузьма. На какого человека?

Миня. А такого... Из деревни приехал, ходил в сапогах и с бородой, по Палеху коробочки расписывал, а сам фатеру московскую добывал...

Кузьма. Ну и как? Добыл?

Миня (внезапно задумавшись).
Погоди-ка, погоди...

Кузьма. Вообще-то я не понял, к чему это...

Миня (так же внезапно оживившись). Мишка Герасимов!

Кузьма. Что — Мишка Герасимов?

Миня. Мишка фатеру добыл...
Большую. Разбомбили потом.

Пауза.

Василий. А у вас, я гляжу, нынче прибавление?

Кузьма. Еще какое! Антоша с нами уже месяц живет.

Василий. Издалека Антоша?

Кузьма. Издалека. От самого Таллина бегом — кому же хочется от чумы-то умирать...

Василий. Это правда, умирать даже в Таллине никому не хочется.

Лесные люди дружно кивают:

— Никому, никому...

Василий. Теперь вам веселее. А то ведь вы скучали, когда Лиза к нам ушла?

Кузьма. Не без того... Однако, лесную жизнь не всякий вынести может...

Василий. Антоша, наверное, уже помощником вам стал?

Все лесные дружно смеются.

Я что-то не так сказал?

Кузьма. Да ведь Антоша-то не он, а она! Девчонка это.

Миня (внезапно вскинувшись).
Девчонка?

Он встает, подходит к Антоше,
которая смотрит на него,
приветливо улыбаясь.
Приближается лицом к ее лицу,
вглядывается.

Миня молча отходит и садится на
прежнее место.

Василий. Будем считать,
знакомство состоялось...

Лесная женщина. Как собачки
обнюхались!..

Все лесные опять смеются, в том

числе и Антоша.

Миня. Слышь, Кузя!

Кузьма. Что, Миня?

Миня. А у вас в лесных-то людях все как один москвичи?

Кузьма. Отчего же... Вот Антоша из Таллина.

Миня. Значит все.
(Отворачивается.)

Кузьма. Я, однако ж, опять вопроса не понял... Ну и что, что москвичи? Разве главное в том, кто где родился?

Миня (будто про себя). Где родился — не сгодился...

кузьма. А ты-то сам где родился,
Миня?

Миня. А ты кто будешь, Кузя?
Переписчик?

Кузьма (смешавшись). Что? Какой
переписчик? Да мне самому вот где
эта перепись... И вообще, что ты все
время про меня выдумываешь?

Миня. Я не выдумываю. Я про тебя
знаю.

Кузьма. Что ты знаешь?

Миня. А все знаю. Все, что в анкете
твоей архивной.

Кузьма замирает, опешив.

Никакой ты, Кузя, не Кузя. А ты, Кузя, Ганс Теодор Шпильман, немецкий шпион. Сам же сказал, что из Германии приехал назьма нашего полизать.

Кузьма (машинально поправляет).
Пожевать...

Миня. Извини, ошибся! Пожевать, конечно!..

Кузьма (опомнившись). Слушай, да что ты городишь, идиот?! Какой немецкий шпион? Еще скажи, что я Ульянов-Бланк!..

Миня. Этого не скажу, врать не буду. По паспорту Шпильман, Ганс Теодор...

Кузьма. да нет, вы только на него поглядите!.. Ладно, я москвич, профессором биологии был, ну и что? Да плевать мне теперь на вашу

вонючую Москву и на всю вашу поганую Германию!

Миня. Врешь, Москва не в Германии, Ганс...

Кузьма. Да что тебе надо от меня, дурень стоеросовый?!

Миня. Вот, по-настоящему заговорил... А чего давеча комедь ломал? «Честные поселяне», «дай займы наряды»... Себя не обманешь, Кузя. Да и нас тоже.

Пауза.

Антоша (подходя к Кузьме, указывая на Миню). Я поняль!.. Этот есть человек не добр! Этот есть золь...

Миня. Ух ты, и эта иномарка заговорила!.. А по-русски давно разучилась, иномарка?

Антоша. Как ви смейт оскорбит добри Кузьма? Он есть настоящи профессор!.. Он знает вся звездное небо...

Миня. Так вы с ним на астрологии сошлись?

Антоша. Какой тебе есть дело?.. Ты груби, я поняль!..

Миня (задумавшись). А ведь все как во сне идет...

Антоша. В какой сне?

Миня. Не прикидывайся!.. Ты-то ведь, поди, тот же самый сон подглядывал, а? Теперь тебе надо успеть котомочку-то свою развязать...

Лицо Антоши искажается, у нее начинают стучать зубы.

Миня вскакивает, бросается к Антоше, пытается сорвать с нее котомку. Та не отдает. Они борются. Миня бьет Антошу по лицу, срывает котомку, бежит. Она, оступившись, тут же вскакивает и с неженской силой и ловкостью бежит за ним. Оба скрываются из глаз.

Все изумленно наблюдают за происходящим.

Кузьма. Послушайте, да что это?! Василий, у вас здесь не сумасшедший дом?..

Василий. Похоже на то! Только что в этом доме происходит — абсолютно не понимаю!..

Кузьма. Да что тут понимать? Юродивый рехнулся!..

Федор. Но она-то зачем побежала?..

Кузьма. Да кто же их, дураков...

Раздается взрыв страшной силы. Все падают с ног, качаются деревья, скрипит дом.

Лиза (выскакивает на крыльцо).
Федя!..

(Видит лежащих, силы оставляют ее, по притолоке медленно сползает на ступени.)

Пауза. Первым поднимает голову Федор, потом остальные. Федор оглядывает всех, находит взглядом Василия.

Федор. Василий, что это?..
Неужели?..

Василий. Да, «Кукушечка».

Лиза. Господи!..

Кузьма. Ребята... Братцы... Да мы же ни сном, ни духом!.. Пришла, подросточек такой, плачет, трясется... Без мамы-папы давно, зовут Антоша... Ну как не пожалеть?.. Думаем: откормим ребенка, тем более, запасы кой-какие имеются... Опять же грибы неплохо пошли...

Лиза. Да замолчишь ты, грибник?!

Молчание.

Федор, Василий, ну что же вы?
Идите Миню ищите!..

Миня (выходит, держа за
вывернутую руку согнувшуюся
Антошку). А чего его искать, Миню?

Лиза. Живой?.. Минечка, как ты
смог?..

Миня. Уметь надо. (Всем.) Теперь
поняли, кто это? (Антошке.) Скажи
«ку-ку».

Антошка молчит.

Скажи, деточка... (Выворачивает ей

руку.)

Антошка. Ку-ку...

Миня. Вот так-то... (Внезапно взрывается.) Тварь!.. Тварь!.. (Бьет ее несколько раз, она падает.)

Пауза.

(Вытирает пот со лба, устало садится на бревнышко.) Свяжите его.

Кузьма и его товарищи, связывают лежащего Антошку.

Кузьма. Миня, поверь, если бы мы знали... Да я бы сам ее повесил,

сам!..

Лиза. Еще повесишь. По закону мы ее все равно убить должны.

Лежащая Антошка глухо рычит каким-то звериным рыком.

1-я лесная. Зверь...

2-я лесная. А какая ласковая была!..

Миня. Что же ты, Кузя, котомочку-то не проверил?

Кузьма. Да я же— Да она же... Ведь сказано было: «рюкзачки»! Ведь они же в рюкзачках бомбы-то носили!..

Миня. Глупый ты, профессор...
Рюкзак, котомка, вещмешок — не

все ли едино? Сидор и есть сидор.
Что ж ты за Кузьма, если сидора
проверить не мог?

Кузьма. Если бы знал, братцы!..

Миня. Ну, может и лучше, что не
знал — жить спокойнее...

Василий. Кузьма, но для чего же вы
взяли ее к нам сегодня? Ведь ей,
как иностранке, переписываться не
обязательно...

Кузьма. Так она же просилась!..
Пожила недели две, а потом
проситься начала: «Отведите меня
в деревню»... И каждый день
надоедала.

Василий. Но зачем в деревню?

Кузьма. Да затем, что...

Внезапно Антошка изгибается и резко садится.

Антошка (впившись взглядом в Кузьму, глухим низким голосом. Скажешь еще слово — убью... Все равно я тебя достану... Жарить буду на белом огне, гриб гнилой...

Кузьма с ужасом глядит на нее.

Миня встает, подходит к лесным женщинам, стаскивает с одной из них платок, идет к Антошке.

Миня. Открой пасть.

Антошку корежит, но она
повинуется — резко открывает рот.
Миня вбивает ей кляп, бросает ее
на землю.

(Кузьме.) Говори.

Кузьма продолжает смотреть на
Антошку.

Не бойся, профессор!. Против меня
у него силы нет. А я тебя не дам в
обиду. Говори!..

Кузьма. Она говорила, что в

деревне есть один человек...

Василий. Ну? Какой человек?

Кузьма. Один человек... Очень
нужный всем... К которому она
послана...

Антошка дергается на земле...

Василий. Зачем послана?..

Кузьма. Чтобы... Чтобы его
поцеловать...

Василий. Поцеловать?

Кузьма. Да, так и говорила!.. Мы
потому и не шли, думали — с
приветом девчонка, помешалась на
этом деле...

Младший лесной. Да сколько

сейчас таких!..

Федор. Ну вот... Поцелуй получился крепкий...

Василий подходит к лежащей ничком Антошке, переворачивает, пристально смотрит. Вытаскивает кляп у нее изо рта.

Василий. Ну так кого ты собиралась целовать?

Антошка рычит в ответ.

Отвечай...

Молчание.

(Бьет ее по лицу.) Говори!.. Говори, падаль!..

Антошка. Тебя!.. Тебя!.. Тебя!..

Василий хватает кляп, резко засовывает в рот Антошке.

Пауза.

Василий. Похоже на правду, Миня?

Миня. Похоже на правду, Вася.

Василий поднимается, отходит, садится на скамью под деревом. Раздается треск подъезжающего мотоцикла, мотор его глохнет.

Входит Глеб Николаевич. Быстро оглядывает всех.

Глеб. Ребята, живы?! Все живы?..

Лиза. Ой, Глеб Николаевич...

Глеб. Все живы... Ну и слава Богу!..
(Натыкается взглядом на Антошку.)
Она?

Федор. Она.

Глеб. Откуда?

Федор. У лесных жила...

Глеб (презрительно оглядывая лесных.) У, Москва и москвичи...
Ума нет — так хоть бы нюх был, что ли!..

Кузьма. Глеб Николаевич, да если бы мы предполагали... Ведь уже год, как нигде никаких

«кукушечек» не слышать!..

Младший. Последних в Японии вылавливали!..

Глеб. Последних!.. Значит, эта не последняя, а первая!.. В наше-то время, Кузьма, надо уже мозги иметь...

Молчание.

Ладно, что уж теперь... Главное, все живы... Ребята, а у меня-то какая новость... Слышите? Новость у меня, братцы мои!..

Федор. Что, Глеб Николаич?

Глеб (оглядывая всех, торжествующе). Нет больше

режима. В Костроме Земский собор собрался... Решают вопрос о форме правления.

Пауза.

Ну, что вы языки-то проглотили? Кричите «ура»!.. Нет больше сволочей этих, пережили мы их, пережили!..

Кузьма. Ну и ну... А перепись?

Глеб. Сдурел ты, Кузьма? Какая перепись?.. Все, свободен, можешь теперь хоть до смерти из леса не выходить!.. Да что скажете-то, ребята?

Федор. Как-то неожиданно...

Глеб. И все, что ли?.. Нет, а я как рад!.. Ведь эти-то меня уже когда к

смерти приговорили!.. Если бы не началась заваруха — давно бы мне в сырой земле гнить!.. Ну а до конца свистопляски я и не надеялся дотянуть... Неужто правда кончился весь этот желтый дом?.. Так есть Бог-то, есть!.. Это же какая теперь должна начаться жизнь...

Лесные, тихонько пошептавшись, встают.

Кузьма. Так ежели переписи нема — пойдем мы, однако, восвояси...

Миня. Бояся, бояся...

Федор. Пойдите, куда же вы? А с этой (указывает на Антошку) что прикажете делать?

Кузьма. Да мы что ж... Виноваты, конечно... Но это уж Глеб Николаич

пусть...

Младший. Глеб Николаич — власть, ему решать...

Федор. Глеб Николаич, что с «кукушечкой» делать будем?

Глеб. Что положено.

Федор. А что положено?

Глеб. Где возможно — сдать органам охраны, где нет таких — ликвидировать самим.

Миня. Кузя, это по твоей части! Ты человек лесной, сермяжный, крови не боишься...

Василий. Да ведь он ее сюда и привел!

Кузьма. Нет, братцы... Я не того... Виноват, конечно... Но я никак... Не

могу, увольте ради Бога!..

Глеб. Ну, что с ним делать будем?

Федор. Увольнять, наверное...

Глеб. Иди, Кузьма, ты уволен. Но если еще раз...

Кузьма. Да никогда!.. Да я ее своими вот этими руками, ежели что!..

Глеб. Ладно, иди, профессор...

Лесные люди уходят, кланяясь.

Федор. А правда, что делать-то с ней?

Глеб. Вот что: пока мотоцикл на ходу — попробую ее в Ростов

отвезти... У меня там капитан одни приятелем — он сам и в расход ее может пустить...

Федор. Да, уж вы увезите, пожалуйста...

Глеб. Ну-ка, что хоть там за фрукт?

(Подходит к лежащей Антошке, наклоняется, переворачивает ее лицом, вдруг — резко отшатывается.) Лена!.. (Снова вглядывается в нее.) Фу, покажется же такое... Совсем и непохожа... словно помрачение нашло... (отходит, садится на крыльцо, Видно, что взволнован.) Леночке моей тогда двадцать два исполнилось... Не первая юность, конечно, да я ее не неволил, наоборот: боялся, как один останусь после ее замужества. Мама-то наша давно померла... А тут встретился

хороший паренек их Ярославля, она и собралась за него... В Москву поехала туфельки свадебные купить... И такая же вот тварь шесть тысяч душ зараз тогда положила... Остатки лопатами разгребали — и аминь.

Молчание.

А эта — к вам шла?

Федор. К нам.

Глеб. Кто ей нужен-то был?.. Хотя, разве ж она сознается!.. Главное — все живы. А ее в Ростов увезу.

Миня. Не надо.

Глеб. Как это «не надо»?

Миня. Не надо, Глебушка. Сбежит он от тебя.

Глеб. Да полно!.. Сейчас в коляску бросим, сверху веревками замотаем — никуда не денется!

Миня. Сбежит, говорю. Превратится в Леночку твою и сбежит.

Пауза.

Глеб. Миня, что ты говоришь такое несуразное? Как это она превратится?

Миня. А так превратится, что сам развяжешь, сам и отпустишь.

Глеб. Но что же делать тогда?

Миня. А ничего. Оставь пока.

Глеб. У вас?

Миня. Ага.

Федор. У нас? Ты что, Миня? зачем?

Миня. А чтобы о смертыньке
помнить. Разве плохо?

Лиза. Опять Миныны фокусы! Глеб
Николаич, не слушайте вы его,
везите ее в Ростов!..

Глеб. Погоди, Лиза... Если Миня
так говорит... Пусть пока у вас...
(Идет, останавливается.) Да, чуть
не забыл со всеми сотрясениями!..
Я же соли вам привез, как обещал!

Лиза. Ой!..

Федор. Соли? Это здорово!..

Миня. Солью-то и осолимся...

Глеб (вытаскивает из кармана узелок). Вот, Лиза, пользуйся...

Лиза (Беря у него соль). Глеб Николаич, ну какой вы, какой...

Глеб. Да какой же?

Лиза. Замечательный!.. (Целует его в щеку.)

Глеб. Ну лады... Кушайте на здоровье...

Лиза. Это я на засолку, чтобы зимой было... Знаете, съесть что-нибудь солененькое...

Глеб. Да знаю, как же... Ну, прощайте, ребятки... Осторожно только с этой... Свистните, если что...

Он уходит, Слышно, как он завел мотоцикл, а вот и мотор плавно затих вдали.

Пауза.

Федор. Братцы, а что-то есть хочется!

Лиза. Наконец-то! Только все давным-давно холодное!

Федор. Я сейчас какое угодно съем!

Лиза. А грибы?

Федор. И грибы. Особенно, если ты их посолишь.

Лиза. Ну, если ты об этом

попросишь...

Федор. А что? И порошу!..

Миня. Соль на зиму!..

Федор. Ты что, Миня?

Миня (кричит). На зиму соль дадена!.. Сейчас нельзя!..

Федор. Ну ладно, ладно... Нельзя — так нельзя...

Лиза. Ничего, хватит и на зиму. ну, идемте?

Федор. Пошли, Василий!

Василий. Да, идем. Правда, есть хочется...

Федор и Лиза уходят в дом. Василий задерживается на крыльце.

А ты что же, Миня?

Миня. Ничего же.

Василий. Ты разве не идешь?

Миня. Я с этим посижу.

Василий. Кстати, а почему ты ее все время называешь «он»?

Миня. Можно «он», можно «она»...
Кто как постиг.

Василий. не понимаю.

Миня. Поймешь еще...

Василий. Пойде поедим грибков с солью, Миня!

Миня. Иди, Вася, поешь... Только солью-то не подавись.

Василий (качая головой). Однако же ты и суров... (Уходит в дом.)

Миня сидит один.

Миня (тихо запеваает).

А я маленькая пташка,

Неважнецкий человек...

А я глупая букашка... (Некоторое время сидит молча, глядя на лежащую Антошку. Снова тихонечко запеваает.)

А я маленькая пташка,

Одиноко я живу...

А я глупая букашка

Вдоль по горести плыву...

Антошка начинает мычать.

(поворачивается к ней.) Что, подпеваешь мне?

Антошка мычит.

Ладно, послушаем твою песню.
(Вытаскивает кляп у нее изо рта.)
Говори, что накопилось.

Антошка. Что ты хочешь делать со мной?

Миня. Что делать? не знаю, не решил еще... А тебе разве не все равно?

Антошка. Все равно.

Миня. Вот и я говорю...

Антошка. Мне все равно... Хозяину не все равно...

Миня. Что мне твой хозяин!.. У меня хозяин свой.

Антошка. Что ты хочешь делать?

Миня. Говорю тебе, еще не решил. Теперь молчи. Не желаю тебя слышать больше.

Антошка. А Федор и Лизавета...

Миня. Что?! (Берет кляп и затыкает Антошке рот. Встает, идет на крыльцо, берется за ручку двери. Секунду медлит, потом рывком открывает дверь.) Ну что, грибки-то остались еще?

Голос Лизы. Конечно! Заходи, Миня!..

Он входит. Дверь за ним закрывается.

Действие второе

Утро следующего дня. Неба не видно, но и туч тоже. Все затянуто белесой дымкой, сквозь которую не может пробиться солнце. Слева к дереву привязана толстой веревкой сидящая на земле Антошка. На пеньке возле дома сидит Федор, в окне — Лиза.

Лиза. А подальше я такие грибные места раскопала... Но это там, за болотом, а за болото одной страшно ходить... Вот если бы с кем-то...

Федор. Может вместе...

Лиза. С тобой?..

Федор. Ну да. Со мной не страшно будет?

Лиза. С тобой — нет! С тобой нигде не страшно!..

Лиза. Вот и ладно...

Федор. А когда бы мы могли?..

Лиза. Да хоть сегодня.

Федор. Правда? Вот здорово!..

В чердачном окне появляется логова Мини. Он слушает.

Слушай, Федя, а ведь мы могли бы с собой немножко соли взять...

Федор. Зачем нам в лесу соль?

Лиза. О!.. Можно разжечь костер и сделать такой шашлык из грибов! Знаешь, надо взять прутики, насадить на них грибы — только без промежутков, чтобы прутики не сгорели, — и эти грибы испечь над костром... Это такая вкуснотища...

А если еще и солью посыпать...

Миня. А если еще кровью полить — такая вкуснотища будет... Да, Лиза?

Лиза. Федя, я больше не могу это слышать! (Скрывается в доме.)

Федор. Миня, ты что такой сердитый?

Миня. Федя, ты сегодня Псалтирь по убиенным братьям читал?

Федор. День начинается только. Еще успею.

Миня. А если не успеешь, Федя?

Федор. Тогда завтра...

Миня. А-а... Так ты монахом-то больше не хочешь быть? Устал уже, наверное?

Федор. С чего ты взял?

Миня. Ладно, Федя, не хитри!
Монахи с девками в лес по грибы не ходят!..

Федор. А, вон ты о чем... Так ведь я еще не монах. Я даже и не послушник. И вообще, благословит ли меня на это мой духовник?.. Ведь и так народу на свете не осталось...

Миня. Вот оно как... Вот оно что...
Что-то ты быстро сдулся, Федя, все равно как шарик воздушный...
Помнишь, раньше были такие?

Федор. Шарики я помню, но меня ты зря обижаешь.

Миня. Я тебя? Да ты рехнулся, что ли? Это ты меня обидеть хочешь! И меня, и себя, и...

Федор. И Лизу?

Миня (после паузы). Если бы ты, Федя, знал, чем играешь... Ты, Федя, бомбой играешь... Такой же бомбой, как «кукушечки» в рюкзачках носили... как бы она всех нас в клочья не разнесла...

Федор. Знаешь, Миня, ты уж не обижайся, но я скажу прямо... Когда юродивый пророчествовать начинает — это, извини меня, все равно, чтобы грибы без соли... И сырые к тому же.

На крыльцо выходит Лиза с корзинкой в руках.

Лиза. Федя, я готова.

Федор. Прямо сейчас?

Лиза. Да ведь дотуда не близко! За болотом, в обход — километров восемь... А может, ты уже передумал? Может, тебя напугали? Так я одна могу...

Федор. Кто меня напугал, что ты болтаешь? Сейчас так сейчас — только куртку из сарая возьму. (Встает и уходит куда-то за дом.)

Минина голова исчезает из чердачного окна, несколько секунд спустя он появляется на крыльце.

Миня. Лиза...

Лиза. Ну что тебе, что?

Миня. Лиза, я только три слова...

Лиза. ну говори скорей, видишь, мне некогда!..

Миня. Лиза, нельзя тебе никуда ходить...

Лиза. Что?! По грибы ходить нельзя?..

Миня. Нет.

Лиза. Вот так номер!.. А может, ты мне и дышать запретишь?.. И жить на этой зеле?..

Миня. Разве я тебя гублю? Ты сама себя губишь!..

Лиза. Это все, что ты мне сказать хотел?

Миня. нет, не все.

Лиза. Так говори!

Миня. Лиза, в вчера сболтнул, что ты мне сто лет не нужна...
Неправда это... Ты мне нужна, нужна, Лиза!..

Из-за дома выходит Федор с круткой в руках.

Лиза. Федя, а мне тут в любви объясняются! Хочешь послушать?

Федор. Честно говоря, не очень.

Лиза. Вот и я не хочу!.. Так надоело...

Миня. Ребятки, одного вы понять не можете... Вы думаете, смерть вчера мимо прошла — и все? А еще же ничего не кончено, дурни!..
Сегодняшний день, может, пострашнее вчерашнего будет!.. Вы просто глухие, вы не слышите, как с

утра небо гудит — а я-то слышу!.. В такие дни разве по грибы ходить?.. В такие дни Псалтирь читать с утра до вечера — и то мало будет!..

Лиза. Долго нам еще это слушать?

Миня. Не нравится слушать? Кровь играет, в лес не терпится?.. У, кобыла дурная, ничего понять не можешь!..

Лиза. Что?.. Федя!..

Федор (Мине). Слушай, хватит нам твоих оскорблений!

Миня. Да, видно, хватит... Ладно, все, молчу...

Лиза. Идем, Федя!

Они идут.

Миня (вдогон). Идите, сосите друг друга!.. Как вампиры друг у дружки душу высосите!..

Лиза. Да замолчи же, идиот!..

Миня замирает, опешив. Лиза и Федя уходят сквозь изгородь в сад. Миня обессиленно опускается на ступени крыльца.

Миня (напевает). Хорошо денек начался

— В лес невесту увели.

А когда ее дождался

— Поклонился до земли...

На крыльцо выходит Василий с открытой книгой в руках.

Василий. А где Федор?

Миня. Улеш.

Василий. За водой?

Миня. За бедой.

Василий. Не понимаю!

Миня. Лизка его в лес увела.

Василий. По грибы?

Миня. По грибы, Вася, по грибы...
Красноголовики называются...

Василий. А, подосиновики, значит?

Миня. Именно, что подосиновики...
А осину, знаешь, как в народе
кликали раньше? Иудино дерево.

Василий. Что-то ты в мрачных тонах
сегодня...

Миня. А видишь, солнушко
скрылось? Неспроста...

Василий. Миня, а я тут такие слова
нашел... Хочешь послушать?

Миня. Читай, что ж... Ты ведь
хочешь прочитать...

Василий. Еще бы!.. Вот, гляди...
(Читает.) «Что вопиешь ты о ранах
твоих, о жестокости болезни твоей?
По множеству беззаконий твоих я
сделал тебе это; потому что грехи
твои умножились. Но все,
пожирающие тебя, будут пожраны;
и все враги твои, все само пойдут в
плен, и опустошители твои будут

опустошены, и всех грабителей твоих предам грабежу...»

Миня. Это кто у тебя?

Василий. Пророк Иеремия. Слушай дальше, слушай!.. (Читает.) «Так говорит Господь: вот, возвращу плен шатров Иакова, и селения его помилую; и город опять будет построен на холме своем, и храм устроится по-прежнему» Но вот, вот главное-то... (Читает.) «И будет вождь его из него самого, и владыка его произойдет из среды его; и Я приближу его, и он приступит во Мне; ибо кто отважится сам собою приблизиться ко Мне? говорит Господь. И вы будете Моим народом, и Я буду вам Богом...»

Пауза.

Миня, как ты думаешь, что решит Собор?

Миня. Про что?

Василий. Какую власть они установят?

Миня. не знаю... Откуда это знать?

Василий. Я знаю... Царя будут выбирать.

Миня (помолчав). Думаешь, так?

Василий. Уверен.

Миня. Страшно-то как...

Василий. Да отчего же страшно?

Миня. Да что ты, Вася!.. Ты представь только несчастного этого человечка, которого царем-то изберут!.. Во всей России живого

места не осталось — а как все это залечить? Это ж надо какие мозги-то иметь, Вася...

Василий. Да нет, не в мозгах дело...

Миня. А в чем тогда?

Василий. В чем? Надо, чтобы горело внутри... Чтобы его всего огонь освещал... И чтобы ничего в мире он не боялся. Вот и все.

Миня. Может, ты и прав, не знаю... Но опять же, врагов сколько... Эти-то все, которые кровь пили, — сколько лет с ними воевать придется, а?

Василий. Но ведь ты же слышал: «... и Я приближу его, и он приступит ко Мне»... Бог ему поможет, Миня. Бог поможет...с

Миня. Бог-то Бог, да не будь и сам

плох...

Василий. Ну, это ты не очень к месту... (Закрывает Библию, садится на ступеньки рядом с Миней.) А что ты про Федора с Лизой говорил?

Миня молча машет рукой.

Думаешь, Федор с ней теперь будет?

Миня. Не хочу я!.. Чего пристал-то?

Василий. Ну хорошо, хорошо, не стану больше... Что ты с «кукушечкой» думаешь делать?

Миня. Что с ней делать? Сидит и сидит.

Василий. А если убежать сможет?

Сколько бед еще натворит!

Миня. не бойся...

Василий. А чего мне бояться? Мою бомбу ты от меня уже отвел.

Миня. И свою тоже...

Василий. Да, уж если бы рвануло — от всех нас щепки бы летели...

Миня. А может, оно и лучше было бы, Вася...

Василий. Да что с тобой нынче, Миня?

Миня. Все страшусь: как сегодняшней день переживем?

Василий. А чем он тебе страшен?

Миня. Большой он очень, Вася: упадет — придавит; не встанешь

ПОТОМ...

Василий. Встанем, Миня... Должны встать! Иначе — зачем жили?

Россия после любой беды вставала...

Миня. Да где она теперь, Россия? Может, ее вовсе нигде нет?

Василий. Ну, это ты оставь. Вот все мы, которые здесь, — разве мы уже не Россия?

Миня. Не знаю... Может, да, может — нет...

Слышен треск подъезжающего мотоцикла.

Василий. Глеб Николаич!.. Слава

Богу...

Мотор мотоцикла глохнет. Входит
Глеб Николаевич.

Глеб. Братцы, что творится-то, а?..
Вы тут сидите, не слышите ничего,
а я вчера транзистор свой
старинный нашел да вед батарейки
выменял — у меня теперь
настоящая связь, ровно у министра
какого!.. Но что творится-то, а? Вы
хоть представить можете, что они
там решили?

Василий. Выбирать царя.

Глеб (ошеломленно). Точно!
Слышали уже?

Василий. Нет, не слышали. Знаем.

Глеб. Да как знаете-то?

Василий. Просто. Знаем — и все.

Глеб. Да... Вот так, значит... Такие вот дела...

Василий. Чему же вы удивляетесь? Все по пророчествам святых делается. А разве святые кого-нибудь обманывали?

Глеб. Вот ведь как: такую весть вам привез, а вы и не удивились... А ведь я почему-то так и думал, что вы не удивитесь вовсе...

Василий. Почему же?

Глеб. Даже и не знаю... Может, потому что верующие? Сколько я верующих встречал в жизни — все они какие-то такие... Ко всему готовые...

Миня. Врешь ты, Глебушка...
Никакие они не такие и ни к чему
не готовые... Такие же точно трусы,
как все!.. Просто неверующий — он
случая боится, или другого
человека, или еще чего, а
верующий — Бога, вот и вся
разница...

Пауза.

Глеб. Ладно, поеду... Я уж сутки
почти у приемника сижу, никак не
могу оторваться... Боже мой,
думаю, как мы жили!.. Как
пережили эти пятнадцать лет!.. Я
во двор вышел сегодня с утра — а у
меня, оказывается, вот такая береза
вымахала у забора!.. А ведь я ее не
замечал... Все пятнадцать лет не
замечал!.. Такие дела... (Идет, но

останавливается.) А в сны вы верите?

Василий. Смотря какие сны...

Глеб. Сегодня у меня странный сон был... Дочка приснилась, Леночка... И главное, так на меня смотрит радостно... Я говорю: «Что ты, Леночка, как тебе там?» Вроде я и во сне помню, что она погибшая... А она отвечает: «Мне здесь хорошо. Мы здесь мученики, нам много грехов простилось... Но ты, папочка, счастливый, счастливее меня!» Я удивился: «Да чем же я такой счастливый, Леночка?» — «А тем, — она говорит, — что ты еще живого его лицом к лицу увидишь, вот как меня!» — «Кого, — спрашиваю, — кого я увижу?» А она шевелит губами, говорит мне что-то, да я-то уже услышать не могу... И так мне обидно стало, — вроде

даже и плакал во сне... А кого я увидеть должен — и не понял...

Василий. Пустое, Глеб Николаевич. не всякому сну верьте.

Глеб. Это-то я понимаю, конечно... (Идет, снова останавливается.) Ох, а как царя-то будут выбирать — я же вам не сказал!

Василий. Ну, и как же?

Глеб. Трое старцев соберутся, видно, где-то сбереглись еще... Молиться будут вместе, а потом одно имя назовут, которое с неба услышат, как там говорилось... А назвать могут кого угодно по всей России...

Василий. Кого Богу угодно.

Глеб. Ну да, правда... А потом человека этого призовут на Собор...

Я слушаю все это — аж холод пробирает: ну не чудеса ли творятся на свете?

Молчание.

Ладно, поеду дальше слушать.
(Идет.)

Антошка, сидевшая у дерева, встает на колени и пристально смотрит ему вслед. Он, как будто притягиваемый чем-то, замедляет шаг, останавливается, медленно поворачивается к ней.

Лена!.. (Бросается к Антошке, но, не добежав нескольких шагов, словно натывается на невидимую преграду.) Да что же это за морок такой, Господи?.. Ну совсем же

непохожа, совсем!..

Мини (вскочив с крыльца.) Иди, Глебушка, иди!.. Езжай домой, не надо тебе здесь... Иди, Глебушка...

Глеб. Простите... Что-то я сдавать стал... (Уходит.)

Заводится мотоцикл и затихает
вдали.

Миня. Вася, может, и ты пойдешь?
Мне бы с этим чучелом наедине...

Василий. Да, я не буду мешать.
Только ответь: что ты думаешь обо
всем?

Миня (машет рукой). Я ведь уж
тебе говорил: дураки не думают,

дураки понимают...

Василий. И что ты понимаешь?

Миня. Честно?

Василий. Если можно.

Миня. Ничего я в этом не понимаю! Какие старцы? Какой царь?.. Как будто Глебушка сказку выдумал!..

Василий. А если не выдумал? Если это не сказка?

Миня. Если не сказка — так еще хуже. Сказку хоть понять можно, а быль — нечего и пытаться.

Василий. Ничего, Миня, потерпим немного— Подождем... Может, и мы пойдем что-нибудь... (Уходит в дом.)

Миня берет палку и направляется к Антошке. Та начинает беспокойно метаться по веревке. Он подходит к ней. Она замирает, прижавшись к дереву в угрожающей позе.

Миня. Ты чего старика пугаешь? Думаешь, мне приятно морду твою поганую видеть? Я тебя из жалости оставил, а ты и этого не ценишь?

Антошка. Из жалости? За что тебе меня жалеть?

Миня. За что? Хотя бы за то, что ты сам себя уже навек погубил. Любое существо жалко.

Антошка. Молчи!.. Не могу все этих слов слышать, фарисей!.. Если жалко меня — отпусти к моему хозяину!..

Миня. А что ты так к нему рвешься? Что тебя у хозяина ждет, знаешь?

Антошка отворачивается.

Знаешь, конечно... Потому что главного своего поручения ты не исполнил... Но и хозяин ваш глупец...

Антошка. Молчи!..

Миня. Глупец, конечно... Ведь знает, что ничему в мире не может помещать — а все посылает вас, ровно псов цепных...

Молчание.

(Разглядывает Антошку.) А кстати, о собачках... Была у наши коммунальных соседей овчарка шотландская, сука, по кличке Молли... Жила-жила, ласковая

такая — они вообще ласковые — а потом возьми, да и сбесись... А я учился то ли в третьем классе, то ли в четвертом... Пришел из школы, дверь открыл, а она с того конца коридора — на меня... Прыгает, с ног сбивает — а я и сознание потерял от страха... Только взгляд ее запомнил — совсем не собачий взгляд, а такой, как будто даже мысль в глазах... Страшная мысль, смертельная... Сколько раз мне потом этот ее несобачий взгляд в кошмарах снился... Скажи-ка, это не ты был тогда?

Молчание.

Отвечай мне, иначе...

Антошка. Не я, это другой...

Миня. Ну да все вы похожи... В

общем, так: сиди и не фокусничай, понял? Здесь фокусников не любят, ты нынче не в цирке.

Антошка. О, если бы у меня еще была бомба... Уж я бы не промахнулся!..

Миня. Если бы да кабы... Бодливой корове Бог рог не дает, понял? Хотя откуда тебе русскую поговорку знать, — ты ведь из Таллина, кажись?

Антошка. Так есть!.. Я есть гражданин свободни государств... Вы не имейт права лишить моя свобода!..

Миня. Молодец, хорошо выучил. Главное, похоже. (Идет к дому.)

Антошка. Постой!

Миня. Чего тебе?

Антошка. Ты меня сегодня
отпустишь?

Миня. Не знаю.

Антошка. Отпусти меня сегодня!

Миня. Я же сказал, не знаю! Терпи,
казак, атаманов будешь...

Антошка. Терпи? Еще одно поганое
слово!.. Вас только за эти слова
надо убивать, убивать!..

Миня берет палку наперевес.

Антошка замолкает и отступает.

Миня идет к дому, поднимается по
ступеням крыльца. Слышен смех
Лизы и Федора. Миня застывает на
месте.

Голос Лизы. Ну догони меня, монах, догони!..

Голос Федора. А если догоню?..

Голос Лизы. Попробуй!..

Голос Федора. Ну держись!..

Слышен их смех, визг Лизы, возня. Миня как сомнамбула спускается по ступеням и уходит за угол дома. Из-за палисадника появляются Лиза и Федор. Они идут, взявшись за руки.

Лиза (приникает к Федору).
Поцелуй... Скорей, пока никто не видит!..

Они целуются.

Любишь?

Федор. Неужели и теперь не поняла?

Лиза. Скажи, скажи скорей!

Федор. Люблю.

Лиза. И я... И я тебя, глупый мой монах...

Они идут к дому. Антошка смотрит на них, улыбаясь. Лиза, встретившись с ней взглядом, резко отворачивается. Они уже почти подошли к крыльцу, когда из-за угла дома на них выскакивает Миня. Федор и Лиза вздрагивают от неожиданности.

Миня (припрыгивает и поет).
Хорошо денек начался

— В лес невесту увели!

А как я ее дождался

— Провалился сквозь земли!..
(Перестает плясать. Федору.) Ну как?

Федор. Что «как»?

Миня. Сам знаешь, что!.. Я говорю: ну как?..

Лиза. Да что тебе нужно от нас, урод?

Миня сникает, его задор вмиг исчезает.

Миня (устало). Мне от тебя ничего не нужно, Лизавета... Ушел наш паровоз...

Лиза. Паровоз ушел — и ты иди!..
Хвати, долго я тебя терпела!

Федор. Лиза, перестань! Куда он пойдет? Он здесь жил и будет жить!..

Лиза. Да я же не гоню его, Федя!..
Но пусть он хоть сейчас нам на глаза не попадается!..

Федор. Перестань, говорю,
перестань... Лучше иди, поешь что-
нибудь собери...

Миня. Поешь? Да разве вы грибы-
то на прутиках не жарили?

Лиза. Не успели, Миня. Не до грибов нам было, понял?

Миня опускает голову.

Ладно, пойду... Вас, мужчин,
кормить надо, чтобы у вас силы
были... (Уходит в дом.)

Миня поворачивается и тихонько
идет куда-то.

Федор. Миня, постой!

Миня останавливается.

Ну чего ты такой пришибленный?
Обиделся, что ли?

Молчание.

Ну пойми же ты, тут такое дело...
Любим ты с ней друг друга... А

любовь есть любовь...

Миня. Любовь?

Федор. Ну да...

Миня. И ты в любви понимаешь, бедненький? А знаешь, ты сегодня сторублевку на две копейки обменял... Что больше-то, Федя! Подумай!.. (Кричит.) Две копейки больше!.. Две копейки больше!.. Счастливый человечешко!..

Из дому выходит Василий.

Василий. Ну вот и Федя вернулся.

Миня. Он не вернулся — он обернулся!.. Он ведь у нас оборотень, Вася!.. Лег монах —

встал в штанах!.. Гляди на него, гляди: видишь? Это не он, это другое кто-то!..

Василий. Перестань!

Молчание.

Иди погуляй, Миня. Нам нужно поговорить.

Миня уходит.

Федя, ты знаешь, что сегодня за день?

Федор. Случилось что-то?

Василий. Земский Собор назначил выборы царя.

Федор. Что ты говоришь?..

Василий. Да, Федор.

Федор. Но как выбирать будут? Кто кандидат?

Василий. Три старца станут молиться. А потом назовут имя, которое услышат.

Федор (после паузы). Так вот оно как...

Василий. Федор, я хочу поговорить с тобой.

Федор. Слушаю.

Василий. Я никому об этом не говорил, Федя. Но тебе решил сказать, уже давно. Ты мне за эти

годы полюбился... Незлобивый человек нынче редкость... Я давно понял — подобных людей надо брать за руку и с юности вести за собой... Только это тайный разговор, очень тайный... Лизе я сам скажу, потом... Я же понимаю: вы с ней теперь одно целое...

Федор. Так уж получилось...

Василий. И это к лучшему! Но пока все — между нами.

Федор. Я понял.

Пауза.

Видно, как трудно Василию начать разговор.

Василий. Я, Федя... Я очень старинного рода, Федя... Очень. А

теперь я один из него остался...
Когда вся жизнь рухнула, нас
шестеро было, а потом... Потом
началась охота... По одному, раз за
разом... Что ни год — нас
становилось меньше. И когда нас
осталось только двое, мой брат
велел мне скраться. Но так
скраться, чтобы меня не нашли ни
за что... Вскоре и его зарезали,
прямо на улице... А я сквозь все
прошел и остался цел... Понимаешь
ты, о чем я?

Федор. Не совсем...

Василий. Неужели не понимаешь?

Федор. Ты хочешь сказать, что ты...
Что Собор...

Василий. Тише!.. Ни слова больше.
Главное, что ты понял.

Федор. Василий, но это же...

Неужели это может быть?.. Да нет, прости, я говорю не то!.. Но это все похоже на сон...

Василий. Ты знаешь, сегодня во сне три старца мазали меня елеем... Как он благоухал!.. А какие у них были светлые лица!.. И народ кругом, народ... Кажется, миллионы людей...

Федор. Но если бы это случилось, Василий... Как бы я хотел хоть что-то сделать для тебя!.. Как жаль, что толком я ничего не умею... Я ведь только молился да книги читал... Но я мог бы научиться, мог!..

Василий. Самое больше умение — быть верным. Верные люди — всегда нудны, Федор.

Федор. Если ты мне доверяешь...

Василий. Если бы не доверял — не

говорил бы с тобой.

Молчание.

Пока довольно. Но никому ни слова,
Ни-ко-му.

Федор. Я понял!

Из-за угла появляется Миня. Он
прихрамывает.

Василий. Что с тобой, Миня?

Миня. Да ну вас всех!.. В нору чью-
то провалился из-за ваших
прогулок... Теперь во калекой
стану...

Василий. Надо, чтобы Лиза тебя

полечила.

Миня. Не надо Лизу... Не надо ничего... Помирать надо, вот что! Как бы помереть, а?.. Может, убьете меня, братцы?

Федор. Да что с тобой?

Миня. Страшно мне... В сердце чернота... Нет жизни, нет никакой!.. (Садится на крыльцо, обхватив голову руками.)

Василий. Миня, чем тебе помочь?

Миня. Убейте!.. Убьете — вот и помощь...

Васлий с сожалением качает головой.

Василий. Пройдемся, Федор?

Федор. Я готов.

Они идут.

Миня. Ну куда вы, братцы?

Василий. Мы ненадолго.

Федор. Лиза в доме, Миня! Если что — крикнешь ее.

Они уходят. Миня качается на крыльце.

Миня. Ох тяжко, хозяин, ох тяжко...
Зачем так тяжко?.. Не по силам
крестик... Не понесет он, ни за что
не понесет... (Застывает, уронив

голову на руки.)

Пауза. Антошка у дерева начинает беспокоиться. Она переступает с ноги на ногу, смотрит в сторону Мины.

(Поднимает голову.) Ну чего тебе? Думаешь, пришла пора?

Антошка мелко кивает головой и кланяется.

Может, и так... Когда сам на цепи — нечего других на веревке держать...

Миня встает, идет к Антошке. По мере его приближения она

съеживается и приседает. Он подходит и снимает с ее шеи веревку. Оказывает, веревка была просто накинута на ее плечи широкой петлей. Он поворачивается и, не глядя на Антошку, идет к дому.

Антошка (робко вслед). Могу идти?

Он молча машет рубкой. Она идет.

Миня. Стой.

Она замирает.

Зовут-то как?

Антошка. Имя?

Миня. Ну имя, имя!

Антошка. Легион...

Миня. Так я и думал... Идите.

Она идет.

Не приходите больше. Так и
хозяину своему передай!..

Антошка. Передам...

Она скрывается сразу, словно растворившись. Миня подходит к крыльцу, но не поднимается, в задумчивости стоя перед ступенями. Слышен треск мотоцикла и шум еще каких-то моторов. Шум приближается, и вот моторы глохнут. Миня тихо опускается на ступеньки крыльца. Появляются Василий и Федор.

Василий. Что там, Миня? Кто там?

Миня пожимает плечами. Из дома выходит Лиза.

Лиза. Что?.. Глеб Николаич?

Федор. Непонятно!.. Мы слышали шум моторов...

Лиза. Да вон же он!..

Входят Глеб Николаевич и двое военных.

Старший военный. Это они?

Глеб. Да, это они.

Старший военный. Простите... Мы

присланы Земским Собором... Нам нужен Михаил Павлович...

Молчание...

Мы присланы к вам Земским Собором... Нам нужен... Кто из вас Михаил Павлович?

Пауза.

Миня поднимается с крыльца.

Миня. Я.

Лиза (еле слышно). Миня?..

Пауза.

Военный. Михаил Павлович, Собор просит вас... Собор нижайше просит вас... Машины ждут...

Лиза в ужасе отступает, вжавшись в дверной косяк.

Михаил Павлович. Машины что ж... Машины ничего... (Делает несколько неуверенных шагов вперед, но останавливается и прикрывает глаза рукой.)

Военный. Вам плохо, Михаил Павлович?

Михаил Павлович. Мне страшно,
генерал...

Военный. Что же делать, ваше
величество... Такой уж у вас
жребий...

Михаил Павлович. Такой жребий...
Идите, друзья... Мне попрощаться...

Военный, поклонившись, уходит.

(Поворачивается к Лизе.) Прощай,
Лиза.

Она сходит по ступеням и
опускается перед ним на колени.

Лиза. Прости... Простите меня...
Я... Я...

Михаил Павлович. Да, Лиза. Теперь
уже прощай.

Он отворачивается, подходит к
стоящим мужчинам.

Прощайте, друзья.

Глеб. Михаил Павлович, так сон-то
мой в руку?.. Не обманула меня
Леночка моя?..

Михаил Павлович. Не обманула.
Мученикам дано говорить правду.
Прощай, Глебушка...

Они пожимают друг другу руки.

Прощай, Федя... И ты поторопился... А ведь я успел тебя полюбить... Я видел тебя монахом, священником... Я думал, ты будешь моим духовником, Федя...

Федор опускает голову.

Прощай и ты, Василий.

Василий. Погодите, постойте... Так значит, вы обманули меня?..

Михаил Павлович. Когда?

Василий. А помните, «кукушечка», бомба... Я спросил ее, и она сказала, что пришла ко мне!.. И я сказал: «Похоже на правду!» А вы

сказали мне: «Похоже!..» Вы
сказали: «Похоже»!..

Михаил Павлович. Но ведь это было
похоже на правду...

Василий. Только похоже?

Михаил Павлович. Только похоже.

Василий. Но вы-то сами... Из какого
вы рода?..

Михаил Павлович. Из самого
древнего рода, Василий. Из рода
слуг. Ведь ты же сам читал: «И Я
приблизу его, и он приступит ко
Мне; ибо кто отважится сам собою
приблизиться ко мне?» Я ни при
чем, Василий. Он приближает
меня... Не держи на меня зла...
(Оглядывает дом, двор,
окрестности.) Прощайте. Мне пора.
Меня ждут... (Уходит за военными.)

Пауза.

Глеб. Как странно... Руку мне пожал — разве не чудо?.. Кто ее ни пожимал только, что я только этими руками ни делал, — но не погнушался он, сам первый подал, а?..

Василий резко поворачивается и уходит.

Федя, что это он?

Федор. Ничего... Это так... Просто ему тяжело...

Глеб. Да, понимаю... Такой день — как выдержать?..

Шум отъезжающих машин.

Уехали... Ну и мне пора...
Счастливо вас оставаться,
ребятки... Конечно, без Мини
теперь скучновато будет... Хотя, что
это я... Простите... (Уходит.)

Пауза.

Федор медленно подходит к Лизе.

Федор. ну вот, Лиза... Вот как все...
Прости меня...

Лиза. Ты ни при чем... Я сама...

Молчание.

А теперь-то что?

Федор. не знаю.

Слышен треск отъехавшего
мотоцикла.

Лиза. Глеб Николаич нам соли
принес... А мы с тобой ее в лесу
просыпали... Значит, нам соли не
хватило, да?..

Федор. Что уж теперь об этом...

Пауза.

Лиза. Федор, а если и другие все будут как мы?.. если никого достойного рядом с ним не будет, Федор?..

Федор. Ты что?.. Ты что?.. Да так не может быть... Так просто нельзя!.. Ну мы ладно, мы такие... Но другие — нет!.. Они должны быть достойны!.. Иначе что ж?.. Иначе опять мы все его предадим как тогда?.. Нет!.. Нет, Лиза... Нет.

Занавес

1994